

АНТ. ЛАДИНСКИЙ

ЧЕРНОЕ И ГОЛУБОЕ

Изд-во «Современные Записки»

АНТ. ЛАДИНСКІЙ

ЧЕРНОЕ И ГОЛУБОЕ

СТИХИ

Из-во „Современная Записки“

106, rue de la Tour, Paris 16°

1 9 3 1

КНИГА ЭТА ОТПЕЧАТАНА
ВЪ ДЕКАБРЪ 1930 Г. ВЪ
ТИПОГРАФИИ «ПАСКАЛЬ»
13, RUE PASCAL, PARIS - 5-
НА БУМАГЪ VELIN BLANC
« B I B L I O P H I L E »

ЧЕРНОЕ И ГОЛУБОЕ

I

Намъ скучно на землѣ, какъ въ колыбели.
Мечтая о небесныхъ поѣздахъ,
На полустанкѣ этомъ мы сидѣли,
Какъ пассажиры на узлахъ.

Но вотъ — прекрасный голосъ Пасифика,
И, крыльями захлопавъ надъ собой,
Летимъ и мы въ эфиръ съ протяжнымъ крикомъ,
Висимъ межъ небомъ и землей.

Съ шипѣньемъ облачныхъ паровъ все выше
Карабкаемся мы въ ночную высь,
А голова кругомъ идетъ на крышѣ —
Не знаешь, гдѣ же верхъ, гдѣ низъ?

Все кружится, и мы не знаемъ сами —
Привыкнуть надо къ высотѣ жилья —
Не черныя ли небеса надъ нами,
Не голубая ли земля?

МУЗА

Обманщица, встрѣчаемся мы рѣдко —
Ты все витаешь гдѣ-то въ облакахъ,
Поговоримъ-же о земныхъ дѣлахъ:
Мнѣ нуженъ глазъ внимательный и мѣткій,
И трудно плыть, огромный грузъ принявъ —
Ладья скрипитъ. Ужъ гдѣ намъ за Пегасомъ,
А ты торопишь, тянешь за рукавъ
И отлетаешь незабвеннымъ часомъ.
Ну хорошо, а помнишь — нѣжныхъ рукъ
Загаръ? Какъ по Каиру мы блуждали?
На дворикѣ музейномъ ворковали
Двѣ пары горлинокъ твоихъ подругъ,
А ты шептала, разума не слыша:
— Хочу зимы... Хочу, чтобы снѣжокъ... —
Любимицѣ я отказать не могъ —
Теперь ты зябнешь подъ мансардной крышей.
Но подъ дырявымъ голубымъ плащомъ
Не жалуется муза на невзгоды —
Такъ рядовымъ солдатомъ переходы
Ты съ мушкетерскимъ дѣлала полкомъ.
Да и теперь: ты бредишь о войнѣ
И съ третьими ложишься пѣтухами,
А время бы заняться намъ стихами
О розахъ, о любви и о лунѣ.

Д Ъ Т С Т В О

Склоняясь надо мною, мать, бывало,
Разсказывала сказку про лису,
Какъ хитрая лиса гусей таскала,
О томъ, какъ жилъ большой медвѣдь въ лѣсу.

Я помню много слезъ и вздоховъ странныхъ
И ночи материнскія безъ сна.
Солдатики румяныхъ оловянныхъ
Мнѣ покупала въ городѣ она,

И по скрипучимъ голубымъ сугробамъ
Меня возила въ пеклѣ мѣховомъ
Угрюмымъ мальчикомъ и большелобымъ
Къ веселымъ дѣтямъ въ гости въ шумный домъ.

Но скучно было мнѣ средь оживленья,
Средь бѣлокурыхъ дѣвочекъ чужихъ
Смотрѣть на кукольные представленья,
Пить чай изъ дѣтскихъ чашекъ золотыхъ,

И спрятавшись въ углу за сундуками
Я слушалъ въ дальней комнатѣ глухой,
Какъ небо въ страшной нѣжности громами
Впервые трепетало надо мной,

Когда рояль прекрасный раскрывали,
И чернымъ лакированнымъ крыломъ,
Огромной ласточкою въ бѣлой залѣ,
Онъ бился на паркетѣ восковомъ.

Г А Д А Н Ь Е

Колода картъ гадальныхъ —
Какъ вѣрь на столѣ,
Все о дорогахъ дальнихъ,
О черномъ королѣ.

Но къ черной розѣ прямо
Свинцовый шмель летитъ,
И пиковая дама
Соперницѣ грозитъ.

Вы въ тѣхъ краяхъ безпечныхъ,
Гдѣ круглый годъ одна
Царитъ въ эфирахъ вѣчныхъ
Безсмертная весна,

А мы — въ предѣлахъ плача,
И пальма зимнихъ странъ
Отъ пальчиковъ горячихъ,
Отъ вздоховъ и румянъ

Склоняется и таетъ
Въ смятеніи, въ теплѣ
И снова расцвѣтаетъ
На комнатномъ стеклѣ.

А за окномъ мороза
Хрустальный слышенъ звонъ,
Къ морозу рифма — роза
Съ державинскихъ временъ.

А Д М И Р А Л Ъ

Скрипятъ корабли въ туманахъ,
Вздымаются, какъ на вѣсахъ,
И вѣтеръ, какъ въ нотныхъ станахъ, —
Въ мачтовыхъ черныхъ лѣсахъ.

А на палубахъ зыбкихъ матросы
Богохульствуютъ до хрипоты,
Бездѣльники и отбросы,
Картежники и плуты.

Вотъ изволь эти грѣшныя души
Атлантикой къ Богу вести,
Обѣщать имъ пальмы и суши
И не перевѣшать въ пути!

И ты помнишь — цынгу въ океанахъ,
Бунты на борту и свинецъ,
И гулкiе, какъ барабаны,
Пустые боченки. Конецъ.

Но на гребень прекраснаго вала
Увлекаетъ людей за собой
Безсонница адмирала
Надъ картою голубой

И въ пути, въ переходахъ бурливыхъ,
Укрощая кипѣнье валовъ,
Неразумныхъ ведетъ, нерадивыхъ
Средь опасныхъ страстей и грѣховъ.

О, высокое званье поэта,
Твой удѣлъ — голубая страна,
И въ безсонную ночь до разсвѣта
Одиночество и тишина,

Пока пересохшія глотки
Не захрипятъ съ корабля
О небесной находкѣ —
Земля! Земля!

Щ Е Л К У Н Ч И К Ъ

Щелкунчику — за святочнымъ разсказомъ —
Орѣхи золотые разбивать,
Фарфоровымъ же кукламъ синеглазымъ —
О платѣ замѣчательномъ мечтать.

Но въ грохотѣ балетныхъ представленій
Щелкунчикъ собирается въ походъ —
Судьба рѣшится на поляхъ сраженій,
Гдѣ деревянная лошадка ржетъ.

Палятъ горохомъ пушки непрестанно,
Игрушечная кровь течетъ рѣкой,
И падаетъ солдатикъ оловянный,
До гроба вѣрный страсти роковой.

Такъ въ голубыхъ и призрачныхъ предѣлахъ
Душа витаетъ Ваша. До конца
Стоимъ и гибнемъ мы въ мундирахъ бѣлыхъ,
И мышъ грызетъ свинцовыя сердца.

О море слезъ! — Блаженной крупной солью
Утѣшенъ подвигъ, Терпсихоры трудъ:
Прихрамывая мышъ бѣжитъ въ подполье,
А балеринѣ розы подаютъ.

СТИХИ О МОСКОВІИ

Т. А. Дриженко-Турской.

Зима. Морозный на щекахъ румянецъ.
Медвѣжій храпъ въ сугробахъ. Волчій вой.
Какъ путешественникъ и чужестранецъ,
Въ дневникъ записываю путевой

Съ пейзажами въ харчевняхъ разговоры.
Поетъ на петляхъ дверь, клубится паръ,
На окнахъ леденистые узоры,
И пѣсенку заводитъ самоваръ.

А люди — великаны, бородатый
Знакомый съ чернокнижіемъ народъ;
Войдутъ — садятся, бороды лопатой,
И чашка водки по рукамъ плыветъ.

Проѣзжій попъ — о вѣрѣ: столъ дубовый
Гудитъ, въ огнѣ лохматомъ голова,
Текутъ изъ рукописныхъ часослововъ
Латынью варварской его слова,

Но хлопая ладонью по мушкетамъ,
Разбойники глядятъ, какъ темный лѣсъ,
И съ пѣтушинымъ пѣньемъ, предъ разсвѣтомъ,
Сѣдлатъ коней уходятъ подъ навѣсъ...

Зачѣмъ же тихимъ, тихимъ океаномъ
Душа разбойничья здѣсь назвалась,
Гостепріимнымъ паромъ и туманомъ
Съ мороза въ теплыхъ горницахъ дымясь?

Скорѣй, скорѣй — все дальше! Зимней стужей
Мечту вздуваетъ вѣтеръ. Снѣгъ валить.
Изъ снѣговой стихіи неуклюжей
Огромная страна ко мнѣ летитъ.

2.

Ну вотъ — пріѣхали, и кони — въ мылѣ,
Земля качается, какъ колыбель.
Я говорилъ, волнуясь, о свѣтилѣ,
Что каждый день встаетъ изъ ихъ земель.

Смѣялись добродушно москвиты:
— Зима у насъ, ослѣпли отъ лучинъ... —
Но видѣлъ, что гордились домовитымъ
Кремлемъ и ростомъ сказочнымъ мужчинъ.

А солнце! — розовое спозаранокъ —
Рукой достать! Какая красота!
Вотъ почему въ глазахъ москвитянокъ
Волнуетъ голубая теплота.

Какъ полюбилъ я русскія рубашки,
За чаемъ разговоры про народъ.
Подъ окнами трещитъ морозъ, а чашки
Дымятъ, и голосъ мнѣ грудной поетъ,

И колокольни, хоромъ надрывая
Всю нѣжность бархатныхъ колоколовъ, —
Какъ жалоба прекрасная грудная
На пышные сугробы зимнихъ сновъ.

3.

А утромъ пушки будятъ странный городъ,
Весь розовый, въ дыму и въ серебрѣ,
И вспоминаютъ Индію соборы,
Грустятъ о нѣжной бронзовой сестрѣ.

Тамъ пальмовая роща снѣгу просить,
Морозовъ ледяныхъ и теплыхъ шубъ,
Все снится ей — крещенскіе заносы,
Медвѣжій храпъ и дымъ московскихъ трубъ.

Озябла стража въ инеѣ мохнатомъ,
Скрипятъ полозья, и бѣжитъ народъ,
На башенныхъ кремлевскихъ циферблатахъ
Страна вѣкамъ тяжелый счетъ ведетъ.

И за прилавкомъ, щелкая на счетахъ,
Поверхъ очковъ блюдетъ свои права,
Считаетъ милліонами пѣхоту
Завистливая мудрая Москва.

И я пою на путеводной лирѣ,
Дорожные перебирая сны,
Что больше нѣтъ нигдѣ въ подлунномъ мірѣ
Такой прекрасной и большой страны.

Б Ъ Г С Т В О

Пропѣли хриплымъ хоромъ пѣтухи —
Взволнованные вѣстники разлуки,
И мы, прервавъ бесѣду и стихи,
Сѣдлали лошадей, грузили выюки.

Мы тронулись. Флоренція спала —
У темныхъ городскихъ воротъ солдатамъ:
«Насъ задержали позднія дѣла,
Теперь мы возвращаемся къ пенатамъ»...

И на горбатый мостъ въ галопъ, а тамъ —
Оливковыми рощами, холмами.
Шумѣлъ въ ушахъ печальный воздухъ драмъ,
И вѣтеръ путевой игралъ плащами.

Такъ мы летѣли мимо деревень,
Въ харчевняхъ прятались на сѣновалѣ —
Внизу сержанты пили цѣлый день,
Хорошенькихъ служанокъ цѣловали,

А къ вечеру — надъ крышей стаи птицъ,
И розовѣло сѣверное небо,
И, поблѣднѣвъ отъ скрипа половицъ,
Трактирщикъ приносилъ вина и хлѣба.

И ты заплакалъ, какъ дитя, навзрыдъ,
Ты вспомнилъ домъ суконщика, ночную
Погоню вспомнилъ, цоканье копытъ,
И родину, прекрасную слѣпую...

Л Ю Б И М И Ц А

Не оглядываясь на подругъ,
Панику въ рядахъ пернатыхъ сѣя,
Ты взлетаешь, вырвавшись изъ рукъ.
Ты ли это, милая Психея?

Ты взлетаешь, горячо дыша.
Развѣ намъ луговъ зеленыхъ мало?
Помнишь ли, какъ въ полдень не спѣша,
Ты пшеничныя поля пахала?

Ну куда тебѣ такой летать,
Ну куда такой нерасторопной
И привыкшей почивать —
Да по рытвинамъ четырехстопнымъ?

Но по берегу житейскихъ водъ,
На рѣчной песокъ роняя пѣну,
Увеличивая мѣрный ходъ,
Вылетаешь на арену.

Закусивъ до боли удила,
На вѣтру огромныхъ разстояній,
Разгораясь до бѣла
Въ грохотъ рукоплесканій,

Первою приходишь ты къ столбу,
Падаешь, храпишь, бока вздымая,
Загнанная лошадь молодая
Съ бѣлою отмѣтиной на лбу.

КРЕСТОНОСЦЫ

Мы облакомъ соленой пыли
Дышали на зарѣ, впотьмахъ,
Пролетая морскія мили
На вздыбленныхъ корабляхъ;

И воспаленными глазами
Изъ-подъ ладони глядѣли вдаль:
Гдѣ же, наконецъ, за морями —
Грааль! Грааль!

И вѣтеръ — огромный ворохъ —
Шевелилъ прядь волосъ,
А на знаменахъ — лилейный шорохъ
И пригоршни розъ.

Отъ бѣдной земли за туманомъ
Воздушный мачтовый лѣсъ
Летитъ, летитъ по океанамъ
На голубые холмы небесъ.

И вотъ — посреди вселенной,
Клубящейся, какъ дымъ,
Встаетъ розовостѣнный
Небесный Іерусалимъ.

О, слышать нельзя безъ волненья
Въ лазури среди облаковъ
Хлопанье крыльевъ и пѣнье
Городскихъ пѣтуховъ.

Какъ блудный сынъ, какъ нищій,
Мы смотримъ на райскій градъ,
На ангельскія жилища,
На пальмы и виноградъ.

Но ради небесъ умирая
На охапкѣ желѣзныхъ пикъ,
Мы думаемъ не о раѣ, —
О землѣ нашъ послѣдній крикъ:

Только земля, земное,
Черная, дорогая мать,
Научила любить голубое
И за небесное умирать.

КОРАБЛЬ

О пышный гуль сравненій
И шумъ вѣтриль:
Средь кораблекрушеній
Поэтъ сравнилъ

И бытіе земное
Съ ладьей, не разъ
Въ безсмертье голубое
Влачившей насъ.

Въ потокѣ быстротечномъ
Скрипятъ борты,
Морскимъ видѣньемъ встрѣчнымъ
Проходишь Ты,

Стихами небо хлещетъ
На зыбкій столъ,
Какъ палуба, трепещетъ
И ходить полъ,

Взлетаетъ жалкой щепкой
Нашъ утлый домъ,
Вскипѣвшій воздухъ — крѣпкій
Матросскій ромъ,

Ты не узнаешь даже,
Что въ двухъ шагахъ,
Мы гибли въ этой сажѣ —
Въ ночныхъ валахъ.

КАМЕНЩИКИ

Съ какою осторожностью огромной
Средь огорченій, сквозняковъ, простудъ
Мы берегли въ шкафахъ достатокъ скромный,
Хранили нашихъ очаговъ уютъ.

Мы по кирпичикамъ вели постройку,
Умомъ раскидывая такъ и такъ,
Выгадывая каждую пристройку,
Окошко, лѣсенку или чердакъ.

Но сердце прозрѣвало разставанье,
Какъ птица приближеніе зимы:
Все рушится — непрочное созданье —
Руками жалко всплескиваемъ мы.

Намъ больше дѣлать нечего въ Европѣ,
Въ хозяйствѣ бѣдномъ подведя балансъ,
Беремъ билетъ, носильщика торопимъ,
И запыхавшись почтовый дилижансъ.

А въ синей бухтѣ ждетъ корабликъ хрупкій,
Три мачты стройныхъ отклонивъ слегка,
Румяный капитанъ изъ бѣлой рубки
Мечтательно глядитъ на облака.

И мы глядимъ на небо голубое —
Какъ держится надъ синевой морей
Такая масса воздуха, покоя,
Воздушныхъ балокъ, дымныхъ кирпичей?

Да, самое прекрасное въ твореньи —
Вотъ этотъ воздухъ, перекрытій летъ,
Вся эта легкость, простота, паренье,
Божественный строительный расчетъ.

Теперь, когда по всѣмъ дорогамъ рыщемъ,
Намъ кажется убогимъ и кривымъ
Людское темноватое жилище
Въ сравненьи съ домомъ солнечнымъ Твоимъ.

А Р Х А Н Г Е Л Ъ С К Ъ

Въ плѣну у льдовъ стеклянныхъ,
Съ десяткомъ фонарей —
Архангельскъ деревянныхъ
Бревенчатыхъ церквей,

Полночный міръ сугробовъ,
Мѣховъ и тучныхъ рыбъ,
Большой любви до гроба
Средь айсберговыхъ глыбъ.

Летаетъ снѣгъ надъ міромъ,
Надъ сказкой ледяной,
Чадитъ китовымъ жиромъ
Свѣтильникъ городской,

И просить съверъ строя,
Зефировъ и колоннъ,
А небо золотое,
Какъ странный дѣтскій сонъ...

Тамъ корабли мечтають
О голубыхъ моряхъ,
Тамъ розы умирають
На снѣжныхъ пустыряхъ,

Въ арктическихъ пожарахъ,
На ложѣ пуховомъ,
И китобои въ барахъ,
Какъ воду, хлещутъ ромъ.

Ахъ, жарче дона Хозе
Пылаетъ этотъ ледъ,
И къ эскимосской розѣ
Полярный воздухъ льнетъ,

Холодную голубку
Приноситъ мальчикъ въ домъ,
Раскуриваетъ трубку
Мечтатель уголькомъ.

Намъ некогда подумать о здоровьѣ,
О воздухѣ, что окружаетъ насъ,
И на соломенное изголовье
Готовы мы свалиться всякій часъ,

Но, какъ волы, торжественно вздыхая,
Влечемъ ярмо, суровый нашъ урокъ;
Земля, то черная, то голубая,
Скользить и уплываетъ изъ-подъ ногъ.

Ну какъ мы землю зыбкую устроимъ —
Вспаши-ка рвущуюся въ облака, —
А оводы кружатся липкимъ роемъ,
И съ хрипомъ раздуваются бока.

Вотъ, кажется, не выдержишь — крылами
Огромными свинцовыми забьешь,
Всей тушей рухнешь между бороздами
И, запрокинувъ голову, взревешь!

Когда взойдетъ на этихъ нивахъ колосъ —
Пшеничный шумъ до голубыхъ стропиль,
Припомнятъ жницы чей-то темный голосъ,
Который съ небесами говорилъ.

А Р Г О Н А В Т Ы

За ледянымъ окномъ, въ глухія зимы,
Лучиной озаряя темный день,
Мечтали мы о морѣ и о Римѣ
Въ сугробахъ непролазныхъ деревень.

Мы строили большой корабль, и щепы
Подъ топоромъ вскипали, какъ вода,
Мы порохомъ грузили срубъ нелѣпый —
Мы отлетали въ вѣчность навсегда.

Ревѣли дѣвки, бабы голосили:
— Ну, дуры, ничего! — Отдай концы!
— Салютъ! — И въ пушечномъ дыму поплыли
Глаза, какъ голубые леденцы.

Сначала шли по рѣкамъ, а навстрѣчу
Ползутъ ладьи. Народъ кричитъ съ ладей:
— Куда плывете? — Мы въ слезахъ: — Далече!
Прощайте! Отлетаемъ въ эмпирей!

И видимъ, крестятся они со страху,
Скребуть въ затылкахъ, смотря въ облака,
А вѣтеръ кумачевую рубаху
Раздулъ у рулевого мужика.

Глядимъ — и море! Въ сырости колючей
Въ тулупахъ зябнуть плечи сѣверянъ.
Корабль шумить. Высокій лѣсъ дремучій —
Искусство корабельное селянъ.

Ахъ, насъ манили пѣсенкой сирены
И подбирали нѣжныя слова.
Нырять дельфинъ. Надъ розоватой пѣной
Кружилась съ непривычки голова.

И вдругъ — труба запѣла. Чернымъ валомъ
Метнулся океанъ въ ночную высь.
И, поблѣднѣвъ, мы стали къ самопаламъ:
Ну, начинается, теперь держись!

Какъ ахнемъ изъ двѣнадцатидюймовыхъ —
Все дыбомъ! На ногахъ стоятъ невмочь!
Ревѣли топки. И въ дождяхъ свинцовыхъ
Мы погибали въ эту злую ночь.

Но таяли армады, какъ видѣнья —
Вотъ, думаемъ, отбились кое-какъ!
Свернемъ-закуримъ! Въ сладкомъ упоеньи
Кружился розовый архипелагъ.

О солнце, суждено намъ плыть! Въ пучину
Летѣть! И вотъ уже дубы растутъ,
И на дубахъ сусальную овчину
Драконы огненные стерегутъ.

А капитанъ смѣется: — Мореходы!
Эхъ вы «овчина», мужичье! Руно!
Не корабли вамъ строить, а колоды,
Сивуху вамъ тянуть, а не вино...

ГОТИЧЕСКАЯ ЗИМА

Тринадцатаго вѣка
Я полюбилъ красу,
Румяныхъ дровосѣковъ
Въ готическомъ лѣсу,

Жаръ изразцовъ и льдины
Средь нюренбергской тьмы —
Каштаны и камины
Классической зимы.

Пришелъ конецъ телѣгамъ,
И крендель золотой
Посыпанъ сладкимъ снѣгомъ
Надъ булочной ночной.

Колеса замерзають,
Не вертятся, ползутъ,
Коню не помогаютъ,
Ни окрики, ни кнутъ.

И въ этой зимней стужѣ,
Въ сугробахъ синихъ чащъ
Прохожій зябнетъ, тужить,
Запахиваетъ плащъ,

Завидуетъ прохожій
Теплу бобровыхъ шубъ,
Домамъ далекимъ тоже,
Гдѣ дымъ валить изъ трубъ.

Звенить стекломъ планета
Отъ вѣтра и колесъ,
Но солнце для поэта
Выходитъ на морозъ.

Вотъ — елочекъ уколы
Хрустальныхъ на окнѣ,
Летаетъ снѣгъ, какъ пчелы,
Въ прекрасной тишинѣ.

Какъ въ скандинавской драмѣ,
Въ послѣднемъ актѣ — вдругъ
Онъ падаетъ горстями
Изъ чьихъ-то нѣжныхъ рукъ,

Онъ землю утѣшаетъ
Паденіемъ своимъ,
И къ небу отлетаетъ
Дыханій нашихъ дымъ.

П Е Р Е С Е Л Е Н І Е

Когда на новую квартиру
Перебираются жильцы,
Имъ весело навстрѣчу міру
Летѣть въ просторные дворцы,

И потрясаютъ мостовыя
Огромные ломовики,
Влача въ пространства голубыя
Домашній скарбъ, узлы, горшки.

А рядомъ, забывая бѣды,
Не глядя за плечо назадъ,
Мечтатели и непосѣды
О новой жизни говорятъ:

Имъ чудятся большіе планы,
Воздушныхъ комнатъ череда,
Никкелированные краны
И въ изобиліи вода.

Такъ покидая пепелище,
Пустой очагъ, бумажный соръ,
Мы грезимъ объ иномъ жилищѣ,
О воздухѣ небесныхъ горъ,

Такъ наши чердаки, подвалы
Насъ научили въ тѣснотѣ
Мечтать о необъятныхъ залахъ,
О солнцѣ и о чистотѣ.

Слабѣтъ голосъ утомленный
На пышномъ пиршествѣ друзей —
О смерти думаетъ влюбленный,
И розы говорятъ о ней.

Да, пищѣ сладостной не рады
Пирующие за столомъ,
И жаждутъ ледяной прохлады
Разгоряченные виномъ.

А за окошками снаружи
Насквозь промерзшая земля —
Бушуетъ огненная стужа
За зимней рамой бытія,

Ползутъ ладьи по черной Летѣ
Подъ роковой уключный скрипъ,
Влетаютъ невозвратно въ сѣти,
Какъ стаи студенистыхъ рыбъ.

Но слушая снѣговъ косматыхъ
Паденье и летейскій сонъ,
И айсберговъ голубоватыхъ
Возвышенный хрустальный звонъ,

О, смертный, съ позднею любовью,
Припомнишь пламя очаговъ,
Дымокъ изъ трубъ, жилище, кровлю
И розы на столѣ пировъ.

ЭПИЛОГЪ

Въ слезахъ отъ гнѣва и безсилья,
Еще въ пороховомъ дыму,
Богиня складываетъ крылья —
Разбитымъ крылья ни къ чему.

На поворотѣ мы застряли,
Подъ шумъ пронзительныхъ дождей,
Какъ рыбы, воздухомъ дышали,
И паръ валилъ отъ лошадей.

И за колеса боевыя,
Существованье возлюбя,
Цѣплялись мы, какъ рулевые
Кренящагося корабля.

И вдругъ летунья ворона
Съ размаху рухнула, томясь,
Колѣни хрупкія ломая
И розовою мордой — въ грязь.

И здѣсь армейскимъ Буцефаломъ,
Въ ногахъ понуренныхъ подругъ,
Она о дѣтствѣ вспоминала,
Кончая лошадиный кругъ:

Какъ было сладко жеребенкомъ
За возомъ сѣна проскакать,
Когда, бывало, въ полѣ звонкомъ
Заржетъ полуслѣпая мать...

Свинцовой пули не жалѣя,
Тебя изъ жалости добьемъ,
Въ дождливый полдень водолея,
А къ вечеру и мы умремъ:

Насъ рядышкомъ палашъ положить
У хладныхъ пушекъ подъ горой —
Мы встрѣтимся въ раю, быть можетъ,
Съ твоей лохматою душой.

ЧЕРНОЕ И ГОЛУБОЕ

II

КЪ МУЗЪ

Подъ сферическою скорлупою
На огромномъ дворѣ міровомъ
Тѣсно намъ за дневной синевою,
Какъ цыпленку въ яйцѣ голубомъ,

А за хрупкою стѣнкой фарфора
Океаны эфира лежатъ,
И надъ краемъ ночного забора
Пѣтушиныя крылья шумятъ.

Умоляю тебя напоследокъ,
Бросимъ этотъ курятникъ земной
И кудахтанье тучныхъ сосѣдокъ
Надъ твоею прекрасной душой!

Муза, я не забуду до гроба:
И за подслѣповатымъ окномъ
Мы вздыхали, нахохлясь, въ трущобахъ,
По небеснымъ краямъ за плетнемъ.

О Т П Л Ы Т І Е

Мы собираемся въ дорогу
Съ приготовленьями спѣша,
Смотрите — отлетаетъ къ Богу
Нетерпѣливая душа.

Увы, послѣднія лобзанья,
На задымившемъ кораблѣ,
Надгробныя напоминанья
О бренной голубой землѣ,

И мы, качнувшись утлымъ краемъ,
Какъ на рукахъ несомый гробъ —
Отчаливаемъ, отплываемъ.
Высокій холодѣтъ лобъ.

Мы предъ эпохою другою
Еще не открываемъ глазъ,
А чайка долго за кормою
Летитъ, сопровождаетъ насъ.

Зачѣмъ ты сердце разрываешь
У бѣдныхъ путниковъ земныхъ,
Иль мореходовъ утѣшаешь,
И съ твердью разлученный стихъ?

Намъ утѣшенія не надо —
Мы зачерпнули, сберегли
Отъ этой голубой громады
Сухую горсточку земли.

КАРАВАНЪ

Въ дорожной сладостной тревогѣ,
Еще въ теплѣ земныхъ домовъ,
Ночуемъ мы на полдорогѣ
У черныхъ очаговъ.

Еще подъ пальмами земными
Мы грѣемъ руки у костра,
А завтра все растаетъ въ дымѣ,
Какъ нѣжная гора:

Съ печальной легкостью бѣглянки
Взлетишь, душа, — плавнѣй стрѣлы —
Оставивъ мусоръ на стоянкѣ
И горсточку золы.

Съ трудомъ идутъ въ эфиръ верблюды,
Но, преодолевая страхъ,
Покачиваемся мы чудомъ
На голубыхъ горбахъ.

И въ этой раскаленной стужѣ
Эфирныхъ ледяныхъ Сахаръ,
Мы странствуемъ, мы кружимъ, кружимъ,
Плывемъ въ магнитный жаръ.

Теперь намъ кажется гортаннымъ
Миражнымъ бульканьемъ питье,
Оазисомъ зеленымъ страннымъ
Земное житіе.

О, жажда! Съ нѣжностью огромной
Мы думаемъ — на всѣ лады —
О пальмахъ, кружкѣ водоемной
И о глоткѣ воды.

Мы смотримъ рыбьими глазами
На міръ, перешагнувъ порогъ,
Какъ выброшенные валами
Въ большую бурю на песокъ,

И воздухомъ голубоватымъ
Мы дышемъ тяжело, съ трудомъ,
Его предъ солнечнымъ закатомъ
Глотаемъ, обжигаясь пьемъ,

Съ земною дѣвушкой румяной
Торопимся поговорить,
На ледяные океаны
Спѣшимъ ей жалобы излить,

Но снова насъ несетъ въ пучины
Въ сырую вѣчность, навсегда,
Отливъ тяжелый, взмахъ единый —
Глухая черная вода.

О Навзикая, ты купалась
На томъ песчаномъ берегу,
Гдѣ рыбка мертвая осталась
Лежать на золотомъ боку.

Въ какихъ слезахъ ты землю покидала,
Когда навзрыдъ и голосомъ груднымъ,
Ты голосила, плакала, роптала,
Но таяла земля, какъ дымъ.

Какъ было жаль мѣнять на пальмы рая
Песчаные холмы, бесплодный садъ,
Гдѣ вышивала ты, полуслѣпая, —
Деревья, розы, виноградъ.

И покидая съ легкостью дыханья
Земную плоть, жилище, бранный прахъ,
Ты неоконченное вышиванье
Оставила намъ на рукахъ.

И, можетъ быть, ты вспомнишь эти слезы,
Мотокъ непрочныхъ нитокъ, вспомнишь тамъ,
Какъ вышивальщицей, склонясь надъ розой,
Глаза слѣпила по ночамъ.

Науму Рейзину.

Средь приключеній и романовъ
Оплакивають Музы насъ —
Любовниковъ и донжуановъ,
Но гибели прекрасенъ часъ,

Когда березовыя рощи
Дыханіемъ пороховымъ
Сдувають иней полунощный,
И, обгоняя пухлый дымъ,

Изъ нѣдръ летейскаго мороза,
И синевы пронзая ледъ,
Надъ сердцемъ, какъ надъ черной розой,
Свинцовая пчела поетъ.

Хватаемъ воздухъ мы руками,
Рвемъ тѣсный воротъ, какъ силокъ,
Склоняются друзья надъ нами,
И таетъ межъ деревъ дымокъ...

Не сѣтуйте! Въ плѣну тѣлесномъ,
Въ тенетахъ роковыхъ страстей
Не мы ли бредили небеснымъ
Съ горячностью земныхъ дѣтей?

Пылаетъ жаръ непостоянный
Въ сугробахъ голубой зимы:
То воздухъ насъ гнететъ стеклянный,
То плачемъ предъ разлукой мы.

И блудный сынъ на пышномъ пирѣ
Не можетъ позабыть подчасъ
О томъ печальномъ тѣсномъ мірѣ,
Гдѣ онъ свиней подъ дубомъ пасъ.

О Х О Т А

Въ парнаскихъ чашахъ голубыхъ
Затравленный, какъ звѣрь опасный,
Взлетѣвъ, изнемогаетъ стихъ,
Слабѣетъ въ рощахъ голосъ ясный,

Въ переполохѣ жаркихъ своръ.
Твой одинокій голосъ тонетъ,
Когда летитъ во весь опоръ
Неумолимая погоня.

И въ этомъ роковомъ кругу,
Подъ градомъ стрѣлъ и въ трубномъ хорѣ
Рычитъ звѣренышъ! На бѣгу
Клыкомъ собакъ брюхо поретъ!

А Муза въ синевѣ дубовъ
Ломаетъ руки въ изступленьи:
Все чудится ей мѣдь роговъ,
Пернатыхъ стрѣлъ густое пѣнье —

Шлютъ братскій взоръ издалека
Ея глазамъ огромнымъ синимъ
Два мутныхъ маленькихъ глазка
Въ колючей яростной щетинѣ.

П О Э Т У

Не слышитъ онъ земныхъ страстей,
Ни шума трепетныхъ вѣтвей,
Ни славы горестной своей.

Судьба російской лиры зла:
Летитъ свинцовая пчела
Изъ пистолетнаго ствола,

Ей сердце обрекаетъ рокъ,
Оборвано теченье строкъ,
И таетъ голубой дымокъ.

Все таетъ — камень и мечта,
Бровей взлетѣвшихъ высота
И гибельная красота —

Она цвѣла средь бальныхъ зимъ,
И сѣверный склонялся Римъ
Предъ этимъ сердцемъ ледянымъ,

Но все превратно подъ луной —
Красавицъ мраморъ ледяной
И африканской страсти зной.

Истлѣли розы и вѣнки,
Зоилы и клеветники,
И писемъ пасквильныхъ листки,

И только въ шопотъ стиховъ
Душа его на Божій зовъ
Летить, витаетъ средь вѣковъ.

Въ огромномъ мірѣ
Мы живемъ
Въ его эфирѣ
Голубомъ,

Но и въ небесномъ
Трудно намъ,
Какъ въ домѣ тѣсномъ
Двумъ ежамъ.

Душѣ колючей
Трудно жить,
По райской кручѣ
Восходить:

Чѣмъ выше, ближе,
Тѣмъ больнѣй,
Тѣмъ небо ниже
И чернѣй —

Шипами роза
Ранитъ насъ,
Мѣшаютъ слезы
Видѣть Васъ.

Въ міръ слезъ подъ печальной луною,
Гдѣ пристанища прочнаго нѣтъ,
Обитаютъ за хрупкой стѣною
Наши души съ двухъ разныхъ планетъ.

Розой призрачной ты расцвѣтаешь,
Смутнымъ ангеломъ снишься ты мнѣ,
Вся въ жару, ты отъ страсти сгораешь —
Станешь горсточкой пепла въ огнѣ.

Въ этой тѣсной и маленькой клѣткѣ
О любви говорю я съ трудомъ,
Все я зябну, нахохлясь на вѣткѣ,
Все томлюсь заводнымъ соловьемъ.

Но зима къ намъ приходитъ, и проще
Сталъ безлиственный пепельный лѣсъ,
И, покинувъ подлунныя рощи,
Вспоминать буду я до небесъ,

Какъ на вашей туманной планетѣ,
Гдѣ мы жили недолго съ тобой,
Ты мнѣ снилась въ безсонницы эти
Розой, ангеломъ, райской луной.

Когда кастальской стужей
Мы дышемъ въ первый разъ,
Строфою неуклюжей
Ласкаемъ слухъ и глазъ,

Намъ въ этомъ вставшемъ дыбомъ
Хрустальномъ сквознякѣ
Невмоготу, какъ рыбамъ,
Простертымъ на песокѣ.

Въ колючей и прозрачной
Стихиі трудно намъ —
На лѣсенкѣ чердачной
Въ одышкѣ толстякамъ.

Мы бьемся, погибаемъ
Въ тенетахъ голубыхъ,
Какъ петли разрываемъ
Запутавшійся стихъ,

Но подышавъ немного
Эфиромъ ледянымъ,
Въ курятникъ нашъ убогій
Уже мы не хотимъ.

Мы въ стеклянномъ и въ призрачномъ мірѣ
И подъ куполомъ низкимъ земнымъ,
Мы, какъ бабочки, бьемся въ эфирѣ,
Застилаетъ намъ зрѣніе дымъ.

И на этой печальной планетѣ
Ты живешь, какъ другіе живутъ. —
Возвращаешься ты на разсвѣтъ,
Любишь бальнаго пчельника гудъ.

Голубою огромною розой
Складки райскаго платья легли,
Мы гудимъ надъ тобою, сквозь слезы
Воздухъ пьемъ и кружимся въ пыли,

Но потомъ отлетаемъ, какъ пчелы,
И за автомобильнымъ стекломъ
Проплываетъ нашъ городъ веселый
Водянистымъ ночнымъ цвѣтникомъ;

Вотъ такимъ же туманнымъ негрузымъ
Представляется міръ по ночамъ
И твоимъ воспаленнымъ медузнымъ
Близорукимъ прекраснымъ глазамъ,

И прекрасенъ нашъ жребій печальный:
Какъ надъ розой совсѣмъ голубой,
Биться въ этой теплицѣ хрустальной
Черной бабочкою надъ тобой.

Міръ непрочень, какъ туманъ,
Рифма — горестный обманъ,

Эхо съ береговъ иныхъ,
Ангельскій отвѣтъ на стихъ.

Замираетъ сладкій звукъ,
Падаетъ перо изъ рукъ,

Черный вѣтеръ къ намъ летитъ,
Прядь волосъ онъ шевелитъ

Надъ высокимъ смертнымъ лбомъ,
Будетъ тишина потомъ,

Пепломъ замететъ нашъ путь
И замерзнетъ въ трубкѣ ртуть.

Тучи снѣжныхъ мотыльковъ
Прилетятъ къ намъ съ облаковъ,

Засинѣетъ вѣчный ледъ,
Роза, гдѣ твой майскій медъ?

Э Л Е Г І Я

Насъ ждетъ летейское забвенье,
Душевный остываетъ жаръ,
Размѣниваетъ поколѣнье
На побрякушки свѣтлый даръ,

Большія горестныя страсти
Не озарятъ его заботъ,
И въ клѣтку, въ пекло львиной пасти,
Никто за розой не поидетъ,

И лучше, съ кѣмъ мы дѣлили
Кусокъ послѣдній и судьбу,
Давно уже лежатъ въ могилѣ,
Вкушаютъ смертный сонъ въ гробу —

Какъ спѣлая пшеница зноемъ,
Они подъ марсовымъ серпомъ
Высокимъ и прекраснымъ строємъ
Легли на полѣ роковомъ.

А я еще могу глубоко
Дышать симъ воздухомъ земнымъ,
Надѣяться на милость рока
Подъ этимъ небомъ голубымъ.

Трамвай на улицахъ пригожихъ,
Какъ тяжкая пчела поетъ,
Торговка на углу проходимъ
Съ телѣжки розы продаетъ,

Но вотъ туманятъ зрѣнье тѣни
Подъ призрачный галопъ копытъ,
И вѣтерокъ съ полей сраженій
Мои стихи пошевелить.

О мужи! Въ черный полдень съ вами
Мы не легли на полѣ томъ —
Мы въ горькой дружбѣ съ лекарями
Съ постелей въ вѣчность перейдемъ.

Р О К О В О Е

Роза, ты — охапка голубая
Воздуха и горсть земли,
Смерть моя, — ты ранка пулевая
Съ лѣвой стороны груди.

Смерть встаетъ прекраснымъ чернымъ садомъ
Изъ горошины свинца,
Вѣетъ смертной тѣнью и прохладой
На пыланіе лица.

Мы ликуемъ, гибнемъ, губимъ, плачемъ,
Дышемъ розой и чумой,
И ввѣряемъ похороннымъ клячамъ
Нашъ короткій путь земной.

НА ПОЛЮСЪ

Леденцомъ океанъ замерзаетъ,
Раскаленною стужей дыша,
И подъ призрачнымъ небомъ витаетъ
Ваша — какъ ледяная — душа...

И за айсберговымъ частоколомъ
Мы плывемъ въ нѣжныхъ тучахъ гагаръ,
Погибаемъ стальнымъ ледаколомъ,
И дыханье клубится, какъ паръ.

Но цвѣтутъ эскимосскія розы
На окошкахъ полярныхъ домовъ,
И цикады стрекочутъ въ морозы
Въ лунныхъ рощахъ арктическихъ льдовъ,

И въ бревенчатой сукѣ зимовокъ,
Грѣя пальцы надъ жалкимъ огнемъ,
Въ царствѣ ворвани, шкуръ и винтовокъ
Я вздыхаю о Васъ передъ сномъ.

Спятъ собаки — косматые братья,
А надъ крышей антенна поетъ,
Какъ шумитъ Ваше черное платье.
Какъ въ Европѣ играютъ фокстротъ.

ЭЛЕГІЯ ВТОРАЯ

Темнѣетъ солнце славы
Средь стихотворныхъ бурь.
Отъ губельной отравы
Обуглилась лазурь.

Не вѣрьте обѣщаньямъ,
Что не забудутъ насъ,
И голубымъ сіяньямъ
Большихъ, но лживыхъ глазъ,

Земля — комочекъ пыли,
А небо — темнота,
Не будетъ на могилѣ
Ни розы, ни креста.

За что намъ слава? — Плачетъ
Въ часъ гибели народъ,
И кумушки судачатъ
О смерти у воротъ.

За что? — За горсть прелестныхъ,
Туманныхъ, темныхъ строкъ,
За то, что на небесный
Летимъ мы огонекъ?

Но въ каменные латы
Закованъ Командоръ,
На кладбищѣ лопаты —
Звонъ командорскихъ шпоръ,

Все ближе громыханье
Безжалостныхъ шаговъ,
Какъ бабочекъ порханье
Нашъ бранный міръ стиховъ.

Тенета бросилъ я на счастье
Въ небесный темный океанъ,
Опуталъ рыболовной снастью
Твой нѣжный и высокій станъ.

И ты глядѣла съ удивленьемъ
На смутный берегъ, на песокъ,
Слетѣвшая къ земнымъ лишеньямъ
И къ рыбакамъ на огонекъ.

Ты все узнала — скудность пищи,
Солому на полу, чердакъ,
Но нравилось тебѣ жилище,
Деревья за окномъ, очагъ,

И покидая воздухъ здѣшній,
За вздохомъ вздохъ, за пядью пядь,
Ты плакала все неутѣшней
И не хотѣла улетать.

Ты живешь, можетъ быть, за стѣною,
Или на отдаленной звѣздѣ,
Или бабочкою голубою
Въ Эфіопіи бьешься въ трудѣ,

Но нигдѣ — даже и на мгновенье —
Я не встрѣтилъ тебя подъ луной
Въ этомъ горькомъ и темномъ томленьи,
Что зовется любовью земной.

Только смутные сны на разсвѣтѣ
Мнѣ напомнятъ порой о другомъ,
О какой-то туманной планетѣ,
Гдѣ мы жили и пѣли вдвоемъ,

Гдѣ подъ бархатными небесами
Мы летали въ прекрасномъ бреду,
И печальное небо надъ нами
Осыпалось, какъ пепелъ въ аду.

А Н Г Е Л Ы

Намъ позволено было
Посѣтить этотъ міръ,
Гдѣ холмы, какъ могилы,
Вѣтеръ горестнѣй лиръ,

Гдѣ подъ страшной луною
Жизнь печальна, какъ адъ,
И склонясь надъ водою
Тихо — ивы стоятъ.

Въ городѣ ночевала
Гостя хижинъ — чума,
И въ покинутыхъ залахъ
Ледяная зима.

Здѣсь все смертно и тлѣнно —
Розы и короли,
Но былъ сладокъ намъ бранный
Темный воздухъ земли.

Развѣ мы виноваты,
Что домой не хотимъ,
На планетѣ проклятой
Васъ увидѣвъ сквозь дымъ,

Что для ангеловъ плѣнныхъ
Ваши брови страшнѣй,
Выше обыкновенныхъ
Ежедневныхъ бровей.

Снова мы отлетаемъ
Къ райскимъ рощамъ, домой,
Но руками хватаемъ
Черный воздухъ земной.

Возникла изъ тумана
Душа — съ небесъ она —
И воздухомъ романа
Дышать осуждена,

Небеснаго дуэта
Ей не пропѣть у насъ:
Къ печальнымъ днямъ поэта
Вы не склонили глазъ,

Сойти не захотѣли
Въ его бумажный адъ
Въ томъ маленькомъ отелѣ,
Гдѣ за стѣной шумять.

Шумять весь день сосѣди,
Но воспѣваемъ мы
Ледъ неприступной леди
И тишину зимы.

Пусть васъ не опечалитъ
Послѣднй вздохъ пѣвца —
Стрѣлою сладкой жалитъ
Горошина свинца,

Пусть не тревожитъ музу
Его послѣднй сонъ —
Высокую обузу
Съ улыбкой принялъ онъ.

КАИРСКІЙ САПОЖНИКЪ

По дорогамъ печальнымъ
Путешествовать намъ,
А воздушнымъ и бальнымъ
Туфелькамъ — по баламъ,

И по мраморнымъ струямъ
Лѣстничныхъ ніагаръ
Нисходитъ къ поцѣлуямъ,
Не ходитъ на базаръ.

Изъ прекрасной темницы
Вы бѣжали стремглавъ,
Въ золотистой пшеницѣ
Туфельку потерявъ.

Въ этомъ горестномъ мірѣ —
Темень воздухъ земли —
На базарѣ, въ Каирѣ
Жилъ сапожникъ Али.

Онъ въ убогой лачугѣ
Починялъ башмаки,
У суровой подруги —
Тяжкіе кулаки,

Отъ супруги сварливой
Только слышишь въ отвѣтъ:
— Ахъ, осель ты лѣнивый,
Ахъ, бездѣльникъ, поэтъ!

И когда съ караваномъ
Уплывалъ онъ сквозь сонъ,
Подъ хрустальнымъ фонтаномъ
Принцемъ дѣлался онъ, —

Перебранки и грозы
Настигали и въ снахъ,
И туманная роза
Таяла на глазахъ.

Звѣзды такъ умираютъ
Въ аравійскомъ пескѣ,
Такъ стихи погибаютъ
На второй же строкѣ,

Такъ въ курятникахъ душныхъ
Птицы жаждутъ весь день
На крылахъ непослушныхъ
Улетѣть за плетень,

Но въ заботахъ о пищѣ
Вновь стучитъ молотокъ,
Зеренъ маленькихъ ищетъ
Круглый птичій глазокъ.

За высокой стѣною
Міръ прекрасенъ! А мы
Зябнемъ подъ синевою,
Какъ въ сугробахъ зимы.

Ваши гнѣвныя брови
Выше каменныхъ стѣнъ,
И темницы суровѣй
Лба холоднаго плѣнъ,

Но заказчикъ стучится
И приносить заказъ,
А такія рѣсницы
Не для насъ, не для насъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Намъ скучно на землѣ, какъ въ колыбели	5
Муза	6
Дѣтство	7
Гаданье	8
Адмиралъ	9
Щелкунчикъ	11
Стихи о Московіи	12
Бѣгство	15
Любимица	16
Крестonosцы	17
Корабль	19
Каменщики	20
Архангельскъ	22
Намъ некогда подумать о здоровьѣ	24
Аргонавты	25
Готическая зима	27
Переселеніе	29
Эпилоги	31
Къ музѣ	33
Отплытіе	34
Караванъ	35
Мы смотримъ рыбьими глазами	37
Въ какихъ слезахъ ты землю покидала	38
Средь приключеній и романовъ	39
Охота	41
Поэту	42
Въ огромномъ мірѣ	44
Въ мірѣ слезъ	45
Когда кастальской стужей	46
Мы въ стеклянномъ и призрачномъ мірѣ	47
Міръ непроченъ, какъ туманъ	49
Элегія	50
Роковое	52
На полюсь	53
Элегія Вторая	54
Тенета бросилъ я на счастье	56
Ты живешь, можетъ быть, за стѣною	57
Ангелы	58
Возникла изъ тумана	60
Каирскій сапожникъ	61